

100 ЛЕТ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКЕ РОССИИ. ДЕТЕКТИВНЫЕ РОМАНЫ О НЕЛЕГАЛЬНОЙ АГЕНТУРЕ

МОЙ УЧИТЕЛЬ ФИЛБИ

История противостояния
британских и отечественных спецслужб,
рассказанная с юмором
и драматизмом

МАКСИМ БАЖЕНОВ

Максим Баженов
Мой учитель Филби.
История противостояния
британских и отечественных
спецслужб, рассказанная
с юмором и драматизмом
Серия «Герои внешней разведки»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62220531

Мой учитель Филби: история противостояния британских и отечественных спецслужб, рассказанная с юмором и драматизмом /

Максим Баженов: Эксмо; Москва; 2020

ISBN 978-5-04-115863-7

Аннотация

История противостояния британских и отечественных спецслужб, написанная с юмором и драматизмом.

Ким Филби – легендарный советский разведчик. Его история настолько невероятна, что в нее трудно поверить до сих пор. Потомственный британец, завербованный советской разведкой, умудрился спустя несколько лет возглавить один из отделов зловеще знаменитой британской MI 6. Такую

головокружительную шпионскую карьеру не сделал даже литературный Штирлиц!

Конечно, у такого феноменального человека были последователи, коллеги и ученики.

Один из них— автор этой книги, ветеран элитного подразделения внешней разведки – «английского» направления 3-го отдела Первого главного управления КГБ СССР, который занимался разведывательной работой по Великобритании и Скандинавским странам.

Это рассказ о том, какой ценой добываются секреты. Это история подвига, мастерства и выдержки.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Необязательное предисловие	7
Введение для непосвященных	10
Боксерский поединок длиной в 5 веков	11
Глоссарий эпохи	18
Мой путь на Британские острова	22
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Максим Баженов
Мой учитель Филби:
история противостояния
британских и
отечественных спецслужб,
рассказанная с юмором
и драматизмом

МОЙ УЧИТЕЛЬ ФИЛБИ

© Баженов М., 2026

© Оформление. Издательство «Эксмо». 2020

Необязательное предисловие

Толчком к тому, чтобы собрать воедино заметки из моего далекого английского прошлого, явилась одна-единственная фраза глубокоуважаемой руководительницы известного питерского издательства. Выступая на презентации книги воспоминаний моего отца, она отметила, что, по ее наблюдениям, в последние годы растет читательский интерес к мемуарному жанру.

Раз так, то почему не попробовать и мне вставить свои три копейки в мемуарную литературу? Я опробовал рукопись на ближайших друзьях и, как водится, получил широчайший спектр мнений, порой противоречивых. Друзья у меня деликатные. Никто из них не осмелился предложить мне, чтобы я засунул этот опус куда подальше. Однако сомнения/ опасен и я/озабоченности, высказанные ими в мягкой форме, можно свести к двум основным пунктам.

Во-первых, многие из моих бывших коллег предполагали, что я слишком откровенно рассказываю о тех аспектах нашей деятельности, которые принято считать закрытыми или даже секретными. Понравится ли это руководству Службы внешней разведки? Что скажут еще здравствующие ветераны, которых я упоминаю, причем не всегда с положительной стороны? Не рискую ли я после публикации стать изгоем нашего разведывательного полка, если не хуже – нарушителем

запретов на разглашение государственной тайны?

Во-вторых, говорили друзья, им-то читать интересно, ведь это про них и их жизнь. А как другим людям, совсем молодым и тем, кому не очень-то близка тематика Англии прошлого века или шпионажа? Может, стоит осовременить материал, совместить воспоминания со шпионскими страстями наших дней? Или, на худой конец, напичкать рассказы сексом, стрельбой и кровью, столь популярными ныне? Короче, мне на основе моих доисторических заметок надо было сделать современный блокбастер, и читательский успех будет обеспечен!

Вот мой ответ на «во-первых». В этой книге даже под микроскопом не найти что-либо ранее не известное противнику от предателей. А раз так, то зачем скрывать от отечественного читателя наши прошлые методы и, кстати, давнишние грешки? Может, нора уже покаяться? Нынешняя российская разведка – мне очень хочется в это верить – давно проанализировала как положительный, так и отрицательный опыт прошлого и действует сейчас принципиально по-другому. Предположить иное было бы оскорбительно для одной из лучших разведслужб мира.

Что же касается обиженных ветеранов, да, они наверняка найдутся. Хотя те, кто не вызывал у меня симпатий, не названы поименно.

Теперь отвечаю на «во-вторых». Превращать свои рассказы в похождения героя, обученного стрелять с падающей та-

буретки, я принципиально не хочу. Это было бы полной профанацией. Профессиональные разведчики меня поймут. Даже из табельного пистолета Макарова, хранящегося у каждого в сейфе, мы не часто стреляли в тире, в основном из-за того, что лениво было чистить ствол.

Да и книга эта отнюдь не претендует на лавры бестселлера. Просто в один прекрасный момент я решил положить на бумагу, пока не забылось, некоторые воспоминания о самом ярком периоде своей жизни. Именно таковыми, как я вижу по прошествии десятков лет, оказались годы, проведенные мною на разведывательном поприще в Великобритании.

Вдруг кому-то из грядущих исследователей этой узкоспециализированной области понадобится свидетельство реального участника событий той эпохи? Если нет, то я не в обиде. Эти воспоминания, так или иначе, войдут в историю моих собственных потомков.

Но прежде чем начать чтение, не обойтись без небольшого ликбеза.

Введение для непосвященных

Непосвященному читателю многое в этой книге будет непонятно без хотя бы краткого экскурса в историю отношений российских и британских спецслужб и экспресс-описания международной политической атмосферы предпоследнего десятилетия прошлого века.

Боксерский поединок длиной в 5 веков

Этот боксерский поединок длится уже почти пять веков. Начался он во времена Ивана Грозного. Московия, недавно появившаяся на карте Европы, играла все более заметную роль в европейских торгово-экономических связях. В столицу быстро растущего и централизующегося российского государства понаехали английские купцы, а вслед за ними и дипломаты, они же разведчики, чтобы на месте оценить обстановку при царском дворе, а заодно и поинтриговать там в свою пользу.

Первый английский секретный агент, некто Элисеус Бомелиус, был подослан к московскому царю под прикрытием специалиста по составлению гороскопов. Гадание по звездам, магия и алхимия широко практиковались в ту пору английской секретной службой.

Но русские тоже были не промах. Царские посланцы начали понемногу интересоваться, как устроена жизнь у далекого соседа с противоположного конца континента, и даже принялись окучивать тамошнюю властительницу Елизавету I на предмет вступления в династический брак с Иоанном свет Васильевичем.

Потом на Британских островах появился Петр. Выучив-

шись у англичан и голландцев строить корабли, он заложил в России основу мощных военно-морских сил. А это уже были не шутки для страны, по праву считавшей себя владычицей морей.

И пошло-поехало. Бесконечно менялись политические альянсы с участием основных европейских и ближневосточных игроков. Россия и Британия чаще оказывались по разные стороны, но иногда и объединялись, как в случае противостояния наполеоновской Франции. Правда, до открытого военного противостояния дело дошло только дважды – в Крыму в середине девятнадцатого века и во время интервенции против Советской России в 1918 году. В остальном же шла беспрестанная подковерная борьба за влияние на политику друг друга, в которой, понятное дело, важнейшую роль играли секретные операции.

Начиная с семнадцатого века и до Октябрьской революции англичане явно переигрывали российских коллег по плащу и кинжалу. По крайней мере, считается, что на их счету убийства таких неудобных людей, как император Павел и Григорий Распутин. Кое-кто полагает, что причастны они также к кончине Петра Первого и Александра Третьего.

Характер боксерского поединка английских и ваших спецслужб существенно изменился после прихода к власти в России большевиков и создания ВЧК – ОГПУ – КГБ. Обмен болезненными ударами резко активизировался, и бой пошел с переменным успехом. Ударов с обеих сторон посыпалось

столько, что всех и не перечислить.

В двадцатые годы прошлого столетия на коне оказались чекисты-контрразведчики, успешно вскрывшие и обратившие в свою пользу многочисленные британские разведоперации, среди которых наиболее известны заговор Локкарта, операции «Синдикат» и «Трест», связанные с именем Сиднея Рейли. Доблестно отражена была и контратака англичан, связанная с письмами Коминтерна, они же письма Зиновьева, якобы свидетельствовавшими о коммунистическом заговоре в Англии. Они были убедительно развенчаны как фальшивка, сфабрикованная Форин-офисом в целях подготовки условий для разрыва политических и торговых отношений между двумя странами.

В тридцатые годы подтянулись и советские разведчики, которым удалось глубоко укорениться в кругах британского истеблишмента. Апофеозом целого ряда блестяще проведенных операций того периода явилась вербовка «кембриджской пятерки» ценнейших агентов – Кима Филби, Дональда Маклина (Маклейна), Гая Берджесса, Энтони Бланта и Джона Керн кросса.

В последующее десятилетие, во многом благодаря усилиям этих «мушкетеров». Советский Союз получал жизненно важную для победы информацию в период Второй мировой войны и обеспечил себе доступ к атомным секретам США и Великобритании. Говоря на языке бокса, этот раунд закончился с явным преимуществом нашей страны.

Пятидесятые-шестидесятые годы опять же в целом прошли при преимуществе советской стороны. Наши атаковали первыми, наступали, а англичане реагировали на это, оборонялись. Им пришлось вычислять нашего нелегала Гордона Лонсдейла (Конрад Молодой), затем сдавшего операцию «Берлинский туннель», и ее организатора Джорджа Блейка, разруливать громкий политический скандал вокруг министра обороны Профьюмо, делившего одну и ту же проститутку с помощником советского военно-морского атташе. Оглушительно провалилась операция с запуском водолаза под крейсер, пришвартованный в Портсмуте, на котором в Англию прибыли советские руководители Хрущев и Булганин.

Однако в начале шестидесятых годов с их стороны был нанесен один ощутимый контрудар – вербовка полковника ГРУ Генштаба Минобороны Олега Пеньковского, через которого утекло немало военных секретов.

В следующем десятилетии британские спецслужбы решили действовать на опережение. После удачной вербовки в 1971 году Олега Лялина они одним махом уничтожили всю советскую резидентуру в Лондоне, в общей сложности 105 человек. В начале восьмидесятых последовала еще одна неслыханная удача – предательство Олега Гордиевского, о котором будет много говориться в этой книге.

Ну а дальше, в период распада СССР и становления новой России, британцы вновь перешли в наступление. Теперь

уже нашим контрразведчикам пришлось долго бегать за их шпионами Вадимом Синцовым и Платоном Обуховым. Так продолжалось довольно долго, пока англичане, уверовавшие в свое подавляющее преимущество и потерявшие бдительность, не споткнулись позорно в 2006 году на эпизоде, вошедшем в историю как «Шпионский камень».

В 2006 году Федеральная служба безопасности РФ изобличила и показала по телевидению английского дипломата Пола Кронтона, подбирающего искусственный камень с вмонтированным в него радиопередатчиком для связи с российской агентурой из неправительственных организаций. Особую пикантность этому шпионскому скандалу придало то, что Пол Кронтон являлся помощником официального представителя британской разведки в России и не имел права заниматься работой такого рода. Необычным и унижительным для англичан было также и то, что, вопреки предыдущей практике, российские власти не объявили проколовшегося разведчика персоной нон грата, а ограничились его публичным изобличением. Английская сторона устами бывшего советника премьер-министра Джонатана Пауэлла признала факт этого провала лишь спустя шесть лет, в 2012 году.

Вернемся, однако, к советскому периоду бесконечного боксерского поединка. Тридцатые-сороковые годы двадцатого столетия – это точно золотой век нашей разведки на английском направлении. Блистательная советская агентура осела в самом сердце британского истеблишмента, работала

преимущественно на идейной основе и чемоданами перетаскивала в Союз чуть не все секреты Уайтхолла.

Пятидесятые-шестидесятые можно сравнить с веком серебряным. Агентура в те времена была уже не такая крутая и идейная, но все же вполне реальная и полезная для того, чтобы хотя бы иногда получать доступ к правительственным сейфам противника.

А вот семидесятые, особенно восьмидесятые годы, в первой половине которых и разворачиваются события нашего повествования, я уж и не знаю как назвать. Бронзовый век – это вроде как в начале истории, а тут в ее конце. Тем более что рулила в эти годы Британией железная леди Маргарет Тэтчер. Так или иначе, но прежняя агентура оказалась вычищенной едва ли не под корень, а новая как-то не вербовалась.

Однако задачу обеспечения безопасности отчизны, сбора актуальной разведывательной информации никто не снимал. Вот и приходилось моему поколению непрерывно напрягать извилины насчет того, как и где добыть ценные сведения. Вычитать ли их между строк в газетах, вывести втемную у ничего не подозревающего знакомого англичанина и затем синтезировать в более-менее связную картину?

Можно, конечно, сказать, что советские разведчики семидесятых-восьмидесятых были жалкой тенью своих предшественников, виртуозных вербовщиков. Но можно и отдать им должное. Работая в кардинально ухудшившейся опера-

тивной обстановке, они все же умудрялись справляться с поставленными перед ними задачами.

Глоссарий эпохи

На мой взгляд, именно первая половина восьмидесятых годов прошлого века стала непосредственной предшественницей современной эпохи. Именно тогда закладывалось возникновение нынешнего миропорядка, в частности, определялась судьба будущей России, которая спустя несколько лет придет на смену Советскому Союзу.

Давайте вспомним, что и где происходило в те времена.

В СССР – расцвет застоя. Генерального секретаря Леонида Брежнева сменяет Юрий Андропов, того – Константин Черненко. Наконец появляется Михаил Горбачев, затеявший перестройку. Бездарная, никому не нужная война в Афганистане. Сокрушительный удар по и так не работающей экономике низкими мировыми ценами на энергоносители. Паранойя престарелого советского руководства по поводу того, что Запад вот-вот нанесет по нашей стране ракетно-ядерный удар американскими крылатыми ракетами, размещенными в Европе. Следствием этого становится неадекватная реакция как на действительные, так и на мнимые угрозы. Яркий пример тому – уничтожение в 1983 году над Японским морем южнокорейского пассажирского авиалайнера.

При этом советский государственный и партийный аппараты по сути своей продолжают оставаться такими, какими

ми они были созданы в сталинские времена. От советских разведчиков руководство требует не проглядеть внезапное ракетно-ядерное нападение. В идеологической сфере апогея достигает антиимпериалистическая риторика. До предела обостряется мироощущение СССР как осажденной крепости. Мало того что на Западе навис главный противник, так еще и на Востоке действует желтый враг – Китай.

В США к власти приходит ультраконсервативный, жестко настроенный по отношению к коммунизму президент Рональд Рейган. Этот чересчур образно мыслящий бывший голливудский актер вслух обзывает Советский Союз империей зла, усиленно проталкивает идею победы над Советами в результате звездных войн. Стратегическая оборонная инициатива, придуманная им, подразумевает улар из космоса.

Обострение конфронтации с миром социализма наблюдается по всем направлениям. Агрессивная риторика, как и некоторые практические действия янки и их ближайших союзников, прежде всего Великобритании, во многом объясняют рост параноидальных настроений в советском руководстве, способствуют их усилению.

В Великобритании у власти консервативное правительство Маргарет Тэтчер. Во внутренней политике железная леди под предлогом оздоровления экономики проводит жесткий монетаристский курс. Она беспощадно борется с профсоюзами и антивоенным движением, которое набирает силу, выступает против перевооружения британских ядерных сил

новым поколением ракет и размещения на Британских островах американского ядерного оружия средней дальности.

На внешнеполитической арене Тэтчер полностью поддерживает курс Рейгана, идейно близкого ей. В этот период американский президент и английский премьер-министр – теснейшие союзники. При этом Тэтчер добровольно приняла на себя подчиненную роль. Не просто же так ее частенько называли пуделем Рейгана.

В 1982 году правительство Тэтчер решается на последнюю самостоятельную колониальную войну. В ответ на захват Аргентиной Фолклендских (Мальвинских) островов, принадлежащих Британии с 1833 года, англичане успешно проводят крупномасштабную военно-морскую операцию по возврату своей КОЛОНИИ.

В самой Британии в эти годы еще остается неурегулированной североирландская проблема. Террористические акты, организованные ольстерскими боевиками, происходят один за другим, включая покушение в 1984 году на саму Маргарет Тэтчер.

В декабре 1984 года в Англию приезжает «советский крон-принц» – второй секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев. Этот молодой представитель Политбюро настолько понравился Тэтчер, что она заявила о готовности с ним работать. Между Тэтчер и Горбачевым установились тесные рабочие контакты, сложились дружеские отношения, в дальнейшем позволившие ей в немалой степени влиять на

перестроечный курс нового советского руководства.

Незадолго до этого исторического визита происходит окончательное предательство одного из руководителей лондонской резидентуры КГБ Олега Гордиевского, завербованного английскими спецслужбами еще в 1974 году, в Дании. Начиная с его приезда в Англию в 1982 году фактически вся работа советской агентуры в Лондоне находится под колпаком у английской контрразведки МИ-5. После беспрецедентного побега Гордиевского из СССР в 1985 году англичане высылают из страны тридцать одного представителя КГБ и военной разведки ГРУ.

Англичане неизменно представляют Гордиевского как самый крупный успех своей разведки со времен Олега Пеньковского, то есть с начала шестидесятых. Ему приписывается чуть ли не спасение мира, балансировавшего в первой половине восьмидесятых на грани ядерной войны.

Вот на этом фоне и происходят перипетии из жизни молодого советского журналиста-разведчика Максима Баженова, описанные ниже.

Мой путь на Британские острова

Моя старшая дочь, прожившая в Лондоне с шести до одиннадцати лет, узнала об истинной профессии отца вскоре после нашего возвращения из английской командировки из удостоверения подполковника КГБ, случайно высунувшегося из кармана пиджака. Мы с женой долго успокаивали девочку-подростка, что-то неловко объясняли ей.

«Так ты, папа, значит, воевал против Джеймса Бонда?» – вопрошал шокированный ребенок.

Ответить на этот вопрос было труднее всего.

Когда ее сыну и моему внуку Саше тоже исполнилось одиннадцать лет, дочка настояла на том, чтобы я рассказал ему, чем занимался в Англии.

Мальчишка сидел в машине, пробивавшейся через московские пробки, долго молчал, видимо, переваривал неожиданную информацию, и наконец вымолвил:

– Да, жалко, дедушка, что ты сейчас уже не на секретной службе.

– Почему, Саша?

– У тебя наверняка была бы мигалка, и мы бы враз выехали из пробки.

Через несколько месяцев звонит дочь и сообщает, что Саша успешно прошел вступительное собеседование в одной из самых престижных частных школ, зачитывает письмо от-

туда с положительным отзывом. На собеседовании внук рассказал, что хочет подобно деду заниматься журналистикой, и это было признано похвальным.

Потом высокие договаривающиеся стороны перешли к обсуждению литературы, прочитанной малолетним абитуриентом, и затронули «1984» Джорджа Оруэлла. Тут особое впечатление на преподавателей произвела мини-презентация, экспромтом придуманная юным Александром, на тему о том, как эффективно заниматься... шпионажем. При этом у мальчика хватило соображения про деда в данном контексте не упоминать.

Вот так. А ведь поначалу матери казалось, что Алекс ничего из откровенной беседы с дедом не понял.

Моя шпионская эпопея началась на филфаке университета. Кураторы из КГБ просто не могли не обратить внимания на комсомольского активиста, отличника, идущего на красный диплом, без каких-либо морально-психологических и физических изъянов, к тому же женатого и кандидата в члены КПСС.

К слову сказать, улов у них в том году был знатный. Вместе со мной в разведку были завербованы студенты, в том числе с моего факультета, ставшие впоследствии известными государственными деятелями современной России.

Валерий Николаевич, мой непосредственный куратор, обаятельный и на редкость располагающий к себе мужчина

лет пятидесяти, долго вел со мной ознакомительные, прощупывающие беседы, исследовал мотивы, просил письменно охарактеризовать некоторых однокашников.

В один прекрасный момент он спросил:

— Ну, вот вы вроде готовы служить Родине в разведке. А что, если Родина пошлет вас служить в другом подразделении органов, скажем, на Курильских островах? Только не отвечайте сразу, посоветуйтесь с женой.

Я, молодой идеалист-романтик, посоветовался и через несколько дней браво доложил Валерию Николаевичу, что так точно, готов служить хоть на Курилах. Уж больно хотелось мне стать Штирлицем, фильм о котором недавно вышел на экран и покори́л весь советский народ, в том числе, конечно же, и меня.

Если бы не добряк Валерий Николаевич, не видать мне разведки как своих ушей. Он спас меня дважды.

Во-первых, при проверке выяснилось, что моя теща во время войны состояла в браке с одним из руководителей пожарной охраны города. Следовательно, он являлся сотрудником НКВД, так как пожарные в ту пору относились к милиции, входившей в наркомат внутренних дел. Латыш по национальности, Петерис Эглитис прожил с молодой женой всего месяц, после чего был заброшен в фашистский тыл с ответственным заданием и приказом живым в плен не сдаваться. Но он получил тяжелое ранение, все-таки попал в плен, бежал и по возвращении к своим осужден на длительный срок

как предатель.

Моя супруга никакого отношения к Петерису, затерявшемуся в сталинских лагерях, не имела, не считая его фамилии. Тем не менее по канонам КГБ брежневской эпохи этого было достаточно для того, чтобы поставить жирную точку на моих перспективах быть допущенным к работе в органах, а тем паче в разведке.

Однако Валерий Николаевич не поленился разыскать в Риге престарелого Петериса, давным-давно реабилитированного за несостоятельностью осуждения. Он доказал руководству, что дело это выеденного яйца не стоит.

Второй раз помощь от него пришла через несколько недель после начала моей учебы на разведчика. Перлюстрация корреспонденции вскрыла давний факт обмена письмами вежливости с американской студенткой, с которой я познакомился во время поездки в США. Пропесочили меня не на шутку, но Валерий Николаевич все же сумел отстоять своего протеже.

Еще до выпускных экзаменов в университете я был вызван в Москву, определен на постой в многоместном номере гостиницы «Пекин» и на следующий день явился на мандатную комиссию, выносящую судьбоносные решения о зачислении в ПГУ – Первое Главное управление КГБ СССР.

В разведке хорошо помнят известного генерала, начальника Третьего, английского, отдела, а затем резидента в США Дмитрия Ивановича Якушкина. Крупный красавец с

барскими манерами и крутым характером, выходец из дворянства – вы ведь наверняка помните десятую главу «Онегина»: «Меланхолический Якушкин, казалось, молча обнажал царевбийственный кинжал» – и при этом нестигаемый коммунист, владелец одной из лучших в России библиотек по декабристам и мемуарной литературе, вообще на редкость незаурядная, харизматичная личность.

Дмитрия Ивановича я видел только один раз, но в один из самых важных моментов жизни. Незадолго до своего ухода из английского отдела он приехал в особняк ПГУ на Остоженке, чтобы перед мандатной комиссией лично принять решение о нескольких кандидатах, планировавшихся к распределению под его начало. Проглядывая мое личное дело, Якушкин обратил внимание на то, что новобранец из семьи музыкантов.

– Искусство любите? – как бы невзначай поинтересовался он.

– Конечно.

– А Ростроповича?

Поясню, что дело было в 1974 году, как раз после выдворения из СССР Солженицына, а вслед за ним и Мстислава Ростроповича.

– О, да. Это же лучший в мире виолончелист!

Дмитрий Иванович оторвался от чтения моего личного дела, поднял на меня затуманенный взор и осведомился:

– А вы осознаете, что теперь, после поступления на служ-

бу в КГБ, Ростропович становится вашим врагом?

– Так точно, – по-дурацки отрапортовал я.

Якушкин посмотрел мне в глаза долгим-предолгим взглядом, в котором сквозила то ли жалость, то ли насмешка.

– Спасибо. Решение мандатной комиссии вам сообщат, – сказал он.

Когда несколькими часами позже я предст<л перед длинным столом, за которым сидели солидные и почему-то хмурые дядьки, им, видимо, все про меня было ясно. Не особо интересуясь моей персоной, они ограничились несколькими формальными вопросами. Мол, готов? Ну и поступай на службу. Поздравляем, тебе оказана высокая честь.

Потом был одногодичный факультет КИ – Краснознаменного института разведки, который впоследствии получил имя Юрия Владимировича Андропова, а до этого был известен в профессиональном кругу разведчиков как Сто первая школа. В первый же день мне присвоили псевдоним для внутреннею пользования, который начинался стой же буквы, что и моя настоящая фамилия, в целом был созвучен ей, но все-таки немного прикрывал мою настоящую личину. Предосторожность нелишняя, поскольку среди выпускников КИ время от времени попадались предатели, сдававшие неприятелю все и вся, включая своих бывших однокурсников.

Правда, за время моей службы в разведке система эта од-

нажды дала сбой. Предателем оказался секретарь парткома КИ, в распоряжении которого находился аккуратненький списочек. Слева настоящие фамилии слушателей, справа псевдонимы.

Скажу еще кое-что о конспирации разведчиков, причем не только наших. Знакомый болгарин, коллега, постигавший азы науки шпионажа на соседнем объекте в Подмоскowie, рассказал мне такую историю.

Группа молодых разведчиков из стран социалистического лагеря занимается спортом за высоким глухим забором засекреченного объекта. С другой стороны забора играют в футбол мальчишки из деревни, расположенной рядом. Вдруг за секретный забор залетает мяч. Гробовая тишина.

Затем раздается робкий мальчишеский голосок:

– Дяденьки шпионы, перекиньте, пожалуйста, мяч!

Наверно, это универсально, если верить свидетельству Тима Милна, соратника и близкого друга Кима Филби по службе в Секрет Интселиджснс Сервис. По его воспоминаниям, в голаы Второй мировой войны сотрудников одного из подразделений британской разведки, глубоко законспирированных за пределами Лондона, легко идентифицировал клерк местного банка. Как? Очень просто. Только разведчикам выдавали зарплату пятифунтовыми купюрами, самыми крупными в то время, и они беспрестанно прибегали в банк, чтобы разменять их.

Как тут не вспомнить известный анекдот про американ-

ского шпиона, которого повязали в российской глубинке.

— Но как же так? — недоумевал он. — Ведь я нигде не прокололся, в ватнике ходил, и даже акцент у меня идеальный, не отличить от местных жителей.

— Да, — отвечают ему наши контрразведчики. — Но у нас на Рязанщинс отродясь негров не было.

Прекрасным был этот год учебы! Житье в комфортабельном пансионате недалеко от Москвы. Теннис летом и лыжные кроссы по окружающим лесам и полям зимой. Обучение вождению и фотоделу. Занятия по истории и практике разведки и интенсивный курс иностранного языка.

Всего за год я очень сильно продвинулся во французском. Даже стыдно вспоминать, почему так вышло.

Французский нам преподавала на редкость сексапильная и к тому же обаятельная выпускница иняза, то есть девушка примерно моего возраста. Вероятно, она была дочерью какого-то заслуженного разведчика или знатного чиновника, поскольку распределение после гражданского вуза в К.И считалось более чем статусным.

Я буквально поедал ее глазами, готов был съесть целиком с роскошными густыми черными волосами, белоснежной кожей и аппетитным бюстом, но — увы. Как там у Высопкою: «был чекист, майор разведки и прекрасный семьянин». Будущий майор, а пока всего лишь жалкий лейтенантишка Баженев героически держал себя в руках целый год. Правда,

до французенки, видимо, доносились флюиды вожделения курсанта, возбужденного ею. Она, розовея своей белоснежной шеей, регулярно ставила мне не всегда заслуженные пятерки.

Апофеозом обучения были так называемые городские занятия, проводившиеся дважды, в ходе которых мы на практике закрепляли полученные знания: учились выявлять наружное наблюдение и уходить от него, закладывали тайники, проводили конспиративные и моментальные встречи с агентами, роль которых выполняли разведчики-пенсионеры. Они назывались приватными преподавателями, или попросту приватами.

Городским занятиям предшествовало тщательное изучение Москвы на предмет нахождения наиболее подходящих мест для встреч и закладки тайников. Именно тогда я познал родную столицу настолько досконально, что до сих пор без карты представляю себе структуру любого района города, неузнаваемо изменившеюся.

В КИ устраивались так называемые родительские дни. Это когда на смотрины слушателей приезжали руководители подразделений, за которыми они были закреплены. Моим «родителем» оказался известный в дальнейшем генерал Виктор Федорович Грушко. В будущем он станет вторым лицом в разведке, далее первым заместителем Председателя КГБ В. А. Крюкова во время путча 1991 года, после чего проведет несколько месяцев в «Матросской тишине». Но

тогда Виктора Федоровича, еще подполковника, только что назначили начальником английского отдела разведки, и он придиричиво подбирал себе молодые кадры.

Думается, с задачей этой он справился блестяще. В семидесятые годы под его руководством в отделе была возвращена целая плеяда молодых дарований, отличившихся сперва на разведывательном фронте, а затем, после возникновения новой России, и в самых разнообразных сферах государственной, деловой и общественной жизни страны. Грушко, видимо, я пришелся по душе, и меня окончательно закрепили за английским отделом.

Дополнительный год счастливой студенческой жизни пролетел как одно мгновение. Дальше начались трудовые будни разведчика. Пяти годам, проведенным в центре, ясеневской штаб-квартире разведки, можно было бы посвятить сотни страниц, ведь немалый срок все-таки. Плюс к этому молодость и обостренное чувство новизны жизненных ситуаций, увлекательная профессия, масса политических событий, происходящих в международной жизни.

Удержусь, однако, от подробного пересказа. Само собой разумеется, не собираюсь раскрывать каких-либо профессиональных или государственных тайн. Я искренне благодарен судьбе за возможность работать в советской разведке, признателен ей за полученную школу, убежден в том, что не имею права что-либо или кого-либо предумышленно очернять, тем более низвергать. В конце концов, я добровольно

был в течение почти двадцати лет неотъемлемой частью этой структуры. Так стоит ли мне писать жалобу на самого себя?

Если что-либо из рассказанного ниже либо описание отдельных персонажей покажется читателю попыткой осмеять, раскритиковать, то это не преднамеренно. Я пытаюсь сделать достаточно легкие зарисовки с претензией на долю юмора, а вовсе не пишу официальную хронологию советской разведки. Хотя, конечно, в отдельных местах уши личного отношения к происходившим событиям, безусловно, торчат.

Итак, постараюсь изложить отдельные эпизоды из того, что больше всего запомнилось мне за пять первых лет, проведенных в ясеновском центре.

В конце августа 1975 года мне и еще одному новобранцу английского направления Третьего линейного отдела ПГУ было предписано связаться по телефону с Александром Владимировичем, который должен будет сопровождать нас в центр. Звучный баритон предложил нам встретиться у автобуса при выходе из метро «Юго-Западная». Опознавательный признак нашего поводыря – газета «Правда» в левой руке. Я не шучу, именно так все и было.

Александр Владимировичу, как оказалось, было всего года на три больше, чем мне, двадцатидвухлетнему, однако держался он с величайшим достоинством и посматривал на нас явно свысока. В нашем тогдашнем представлении он выглядел как холеный английский аристократ: безукоризнен-

ная прическа, усики щеточкой, элегантный серый плащ, вальяжные манеры.

В центре нас первым делом отвели к заместителю начальника отдела Михаилу Петровичу Любимову, курирующему Англию, ставшему известным писателем и впоследствии моим большим другом. По дороге в его кабинет мы узнали, что шефа никто не называет иначе как Эм-Пи – инициалы М. П., произносимые на английский лад. Величественно попыхивая трубкой, источающей ароматы лучших сортов виргинского табака, Михаил Петрович с ходу проэкзаменовал нас на знание английской литературы, убедился в скудости наших познаний и настоятельно посоветовал нам расширять свой культурный кругозор.

В следующем кабинете, принадлежащем начальнику английского направления, уже не шла речь о высоком искусстве. Нам объяснили, что придется учиться всему с нуля, начинать с проверок иностранцев по учетам центра и подготовки оперативных дел к сдаче в архив.

Насколько помнится, в первые несколько месяцев я ничем другим и не занимался. Моими ближайшими друзьями стали ручная дрель, толстая игла с грубой дратвой и допотопный деревянный станок, в который с трудом запикивались здоровенные, до 600 страниц, пыльные тома оперативных дел. Каждый том надо было расшить, проверить правильность нумерации страниц и наличие всех приложений в конвертах, внести массу удостоверяющих записей и только

после этого, сшив драткой заново, пытаться сдать суровому и взыскательному сотруднику архива. Как правило, с первого раза это ни у кого не получалось. Тогда в ход шел подкуп архивного чербера в виде билетов на спортивное соревнование или пачки закордонных сигарет.

О, мои первые оперативные тома, никогда мне вас не забыть! Вместе с рабочим местом мне вручили ключи от сейфа, где их было не менее сорока штук. В некоторых были документы на тончайшей папиросной бумаге, датированные еще двадцатыми годами. Кое-где встречались пометки красным карандашом, сделанные рукой Лаврентия Берии или даже самого Сталина. Первые экземпляры документов, напечатанных под копирку, отправлялись в Кремль, а в моих делах в большинстве своем оседали последние, еле различимые копии, к тому же написанные тяжелым, неудобоваримым языком. Короче, читать эти фолианты особо не хотелось, да и времени свободного не было.

А зря! В сейфе моем, например, долгие годы лежали все оперативные дела знаменитой «кембриджской пятерки» советских агентов – Кима Филби, Дональда Маклина, фамилия которого иногда пишется как Маклейн, Гая Берджесса, Энтони Бланта и Джона Керн кросса. Были и другие не менее интересные дела, за возможность заглянуть в которые английские спецслужбы многое бы отдали. Уже тогда я об этом догадывался, но все как-то дело не шло дальше того, чтобы рассеянно пролистать с десятков страниц исторической ин-

формации. В конце концов я с облегчением спихнул этот бесценный клад в архив. Эх, молодо-зелено.

Очень важным делом казалось нам, молодым сотрудникам, дежурство по отделу. Вечером задерживаешься дольше всех, проверяешь, все ли в порядке в каждом кабинете, печатаешь их и сдаешь контрольный ключ дежурному по главку. Утром приезжаешь первым, раздаешь сотрудникам ключи и вместе со сменщиком, вытянувшись в струнку, докладываешь начальнику отдела:

«Товарищ полковник! За время моего дежурства произошло то-то и то-то – чаще всего не происходило ничего. Дежурство сдал – звание – такой-то».

Но самым ответственным поручением было замещение начальника у батареи, состоящей из полудюжины телефонов, во время его отлучек из кабинета. Следовало отвечать: «Аппарат товарища Грушко», затем безошибочно принимать решение насчет того, как распорядиться полученной информацией: то ли спокойно дожидаться прихода начальника с обеда, толи срочно подключить его заместителей, принимающих оперативные решения. С шефом разведки все ясно – самый главный аппарат, да еще с мигающей лампочкой и пронзительным звонком. Но по телефону правительственной связи могли позвонить и члены Политбюро, и министры, и даже – страшно подумать! – сам Леонид Ильич Брежнев. Одна-единственная ошибка в приеме звонков могла стоить

карьеру.

В одно из дежурств Виктор Федорович Грушко посадил меня в своем кабинете и стремглав побежал к начальнику разведки. Вернулся он минут через пятнадцать. Рот до ушей, легкий свежий запах коньячка, а в руках – генеральские погоны.

Грушко небрежным движением бросил их настоя и произнес:

– Вот как это бывает. Желаю вам тоже дослужиться. А теперь огромная просьба: сбегайте в буфет и притащите побольше самых вкусных бутербродов.

Когда подоспели бутерброды, в кабинете уже толпилось с десятков генералов, а стол был уставлен изысканнейшими напитками из личных запасов Виктора Федоровича. Дежурство мое в тот вечер закончилось глубоко за полночь. Но зато наутро я получил привилегию первым отрапортовать не полковнику, а товарищу генералу.

– Вольно! – ответил Грушко, отпустил нового дежурного и сердечно поблагодарил меня за активное участие во вчерашнем мероприятии.

Все первые годы работа моя процентов на 99 была связана с просиживанием штанов в Ясенево, за забором, как мы между собой говорили. Поэтому меня радовали любые нечастые отлучки. Среди них не ахти каким ярким, но все же событием были дни, когда нас выставляли в оцепление при

проезде генсека с государственными гостями по правительственной трассе или на Красной площади накануне 7 ноября и 1 мая.

Вдоль правительственной трассы стояли с определенным интервалом солдатики внутренних войск, милиционеры и мы, оперативные работники разведки. Тут вот что интересно. Ставили нас, невзирая на погоду, раньше всех, а снимали последними, порой через час после проезда правительственного кортежа. Какие соображения были у руководства КГБ и нашего главка, до сих пор остается для меня загадкой. Какая была нужда рисковать расшифровкой молодых разведчиков? Ведь нас легко могли заснять на пленку иностранные журналисты.

Запомнился мне такой эпизод. Стою я себе, молодой и красивый, на Ленинском проспекте в сером партикулярном плаще и шляпе того же цвета. Рядом ватага старшеклассниц с шариками и флажками, снятых с занятий, чтобы приветствовать генсека.

Одна из них игриво смотрит на меня и громко говорит подругам:

– Посмотрите на него: ну прямо форменный шпик!

Забавных эпизодов, конечно, случилось немало, но это все не означает, что мы маялись от безделья. Работы, в ходе которой мы медленно, но неуклонно постигали премудрости разведки, было неупорно. Читались и анализировались огромные объемы почты, поступающей от резиденту-

ры. Мы составляли проекты ответов на эти документы, которые потом редактировались руководством. Именно мы, молодые салаги, проверяли по учетам центра всех иностранцев, попавших в поле зрения наших коллег за кордоном, и координировали на низовом уровне контакты с другими подразделениями ПГУ и КГБ. Мы не хуже профессиональных упаковщиков заворачивали в коричневую бумагу коробки с представительскими матрешками, красной и черной икрой и кубинскими сигарами. Всех наших многообразных занятий просто не перечислить. Но самая большая польза, безусловно, была от общения с приезжающими в отпуск или окончившими командировку уже заматеревшими разведчиками из-за бугра.

Одно дело – читать сухие письма или телеграммы, и совсем другое – слушать сдобренный русским матерком живой рассказ о человеке или событии, который порой разительно отличается от того, что изложено на бумаге. В справке одного деятеля из Австралии было, например, написано, что он сразу при выходе из посольства сумел избавиться от наружного наблюдения. Спрашиваем, как это получилось.

– Очень просто, – отвечает этот герой. – У нас вокруг посольства кусты, а за ними поле, поросшее бурьяном. Я прыгнул в кусты и пополз по-пластунски.

Мы, слушатели, шокированы. Дескать, как это так, по-пластунски?

– А вот так.

Рассказчик, солидный дядя, ложится на паркет и демонстрирует, как он полз сквозь вражеский бурьян на встречу с агентом.

Другого отпускника, прибывшего из Исландии, мы стали расспрашивать про шифротелеграмму, насмешившую нас в свое время, которая начиналась с фразы: «В Исландии извергнулся вулкан». Неужели ничего по-настоящему важного в стране не происходит? Наш коллега терпеливо разъяснил нам, насколько это важно, причем в самом широком плане, не только для разведки, но и для экологии, климата и даже мирового воздушного сообщения. В справедливости такого подхода мы все могли убедиться, когда в 2010 году в результате извержения исландского вулкана с труднопроизносимым названием Эйяфьяллайекюль было надолго парализовано воздушное сообщение в огромном регионе Северной Атлантики.

Мы встречали и провожали отпускников в аэропорту или на вокзале, доставали им путевки в санаторий, курировали их родственников во время заграникомандировки, передавали им посылочки, полученные с диппочтой. В награду сами получали закордонные подарочки в виде сигарет, виски, ненашенских канцтоваров и прочих приятных, отнюдь не бесполезных мелочей.

Люди старшего поколения хорошо знают, что в советские времена тотального дефицита такие заграничные сувениры колоссально расширяли возможности человека. Можно, на-

пример, было договориться о ремонте вне очереди «жигуленка» или получить из-под прилавка здоровенный шматок отборного мяса. Не говоря уже о колготках и прочих женских штучках. В семидесятые годы колготки эти самые стоили 7 рублей 70 копеек при зарплате, к примеру, инженера в 120 рублей.

Не менее ценными презентами от отпускников были их рассказы, что называется, без протокола.

Мой подопечный с Мальты, например, научил меня безукоризненно разбираться в трубках и табаках, а также искусству изображать из себя знатока французского языка, используя всего несколько специально заученных фраз.

Он же поведал мне замечательную историю о том, как ему удалось, базируясь на крошечной Мальте, побывать в дюжине стран Европы, Северной Африки и Ближнего Востока. Поначалу планировалось, что его связь с центром должна осуществляться через Рим, что логично. Но, насмотревшись вдоволь на Вечный город, он смог убедить ясеневских начальников в том, что постоянные визиты в римскую резидентуру подрывают его конспирацию. Руководство позволило ему ежемесячные командировки в Лондон, Париж, Копенгаген, а также в Каир и еще куда-то в арабские страны.

Затем, напирая на оторванность от актуальной оперативной проблематики – он на Мальте был сам себе резидентура, – этот умник добился ежеквартальных командировок в Москву, причем каждый раз новым путем. Наконец он

предъявил последний, самый сногсшибательный аргумент. Мол, в мое отсутствие моя семья остается по сути дела беззащитным заложником местных властей. А ведь это единственные советские граждане на Мальте. Начальство позволило ему по нескольку раз в год приезжать домой вместе с женой и детьми.

«Ничего не скажешь, грамотно», – подумал я тогда и сразу же перечитал великолепную книжку Грэма Грина «Наш человек в Гаване».

Осмелюсь напомнить, что написана она в пятидесятые годы. Автор, не только известный английский писатель, но и бывший сотрудник британской разведки МИ-6, повествует о том, как скромный продавец пылесосов, случайно попавший в круговорот шпионских дел, длительное время морочил голову своим боссам в Лондоне. Он выдавал чертеж пылесоса за схему сверхсекретного новейшего оружия.

Особое спасибо Третьему отделу за возможность учиться на семинаре выдающегося разведчика Кима Филби. Тема эта чрезвычайно емкая, для меня лично – одна из ключевых в жизни. Ей посвящен отдельный раздел в этой книге.

Помимо обретения профессиональных знаний, длительная работа в центре – это еще и личностная закалка, период возмужания молодого оперработника и познания – порой через шишки на собственном лбу – основополагающих человеческих ценностей. В общем и целом мне с начальниками и сослуживцами достаточно повезло. В большинстве своем

они были люди порядочные и доброжелательные.

Но в любой бюрократической структуре тебя могут подставить и затереть, если ты недостаточно принципиален и проявляешь мягкотелость. В один прекрасный момент я чуть не сменил свою английскую ориентацию на скандинавскую. Пока находился в отпуске заместитель начальника отдела, курирующий английское направление, меня принялся усиленно окучивать другой зам, в ведении которого находились скандинавские и финские дела.

Действовал этот профессиональный вербовщик на редкость грамотно. Дескать, ну что ты там, в Англии, получишь и, главное, когда? А у нас пожалуйста! Дипломатическая должность в шикарной скандинавской столице. Можешь уехать буквально через месяц!

Я, естественно, только мычал в ответ. Ведь передо мной был целый полковник, который к тому же в тот момент замещал самого шефа отдела.

Слава богу, вовремя вернулся мой родной зам. Он долго топал ногами, кричал, что нечестно приказывать чужим солдатам, и в конце концов отстоял мое английское будущее.

Время от времени на партийных собраниях, ежемесячно проходивших в отделе, разбирались персональные дела. Как правило, чехвостили сотрудников, невзирая на должность и звание, за баб и пьянку.

Вот полковник, начальник направления поматросил с любовницей, а потом ее бросил. Девушка же оказалась не про-

мах. Она тут же настрочила кляузу в кадры ПГУ, где подробно рассказала обо всем, что слышала от бравого полковника в постели, и – о, ужас! – поведала, что ей даже известно, где именно у метро останавливается наш служебный автобус. На партсобрании полковник под осуждающими взорами сослуживцев посыпал голову пеплом, публично раскаялся и отделался строгим выговором с занесением в личное дело.

Подобные истории произошли поочередно с двумя моими товарищами по учебе на первом семинаре Кима Филби. Мы все трое дружили семьями, а Саша – тот самый Александр Владимирович, который за руку привел меня в Ясенево, – и Владислав вообще чуть не побратались. Да и их жены были неразлейвода.

Сначала подзалетел Саша. У него случился серьезный роман. Но как быть с женой, у которой папа – ответственный сотрудник МИДа?

В разруливание ситуации вынужден был вмешаться сам Виктор Федорович Грушко. В откровенном разговоре с глазу на глаз он предложил Саше определиться: новая большая любовь либо возвращение к жене. Саша ни туда ни сюда. Тогда и была объявлена публичная порка на партсобрании.

Странно повел себя Владислав. Когда Саша чуть не с мольбой в голосе попросил его подтвердить что-то – «Ты ведь в тот момент был рядом и знаешь, как обстояло дело», – тот отвел глаза в сторону и заявил, что ничего не помнит и вообще не считает себя таким уж большим другом и конфи-

дентом Саши.

Грушко с презрением наблюдал за этой постыдной сценой. По его инициативе собрание вкатывает Саше строгача с рекомендацией отстранить от оперативной работы по линии отдела. Впоследствии Виктор Федорович признался мне, что готов был простить гуляку, если бы тот повел себя по-мужски, даже выбрал бы новую жену.

Сделал Грушко вывод и в отношении Владислава. С английского, самого элитного, направления он был переведен на подготовку в одну из скандинавских стран.

Прошел год с небольшим, и с Владиславом, недавно отправившимся в свою Скандинавию, случилась похожая история, суть которой я пересказывать не буду. Его срочно отозвали. Опять партсобрание, которое для вашего покорного слуги оказалось гораздо более болезненным.

Накануне вызвал меня новый шеф, сменивший Грушко, и иезуитским голосом спросил:

– А вы случаем не знаете, кто писал на Владислава отзыв перед командировкой?

Я похолодел. Один из отзывов действительно был написан моей рукой, а мне самому уже через месяц-другой предстояло ехать в Англию.

Шеф тем временем уже звонил в кадры:

– Ага, значит, один из рекомендателей – Баженов? Там все только положительное? Спасибо. – Он положил трубку и вперил взгляд удава в бледного кролика, сидящего перед

ним. — Ну вот, дорогой, вам урок, как раздавать направо и налево положительные рекомендации. Для первого раза прошу намотать на ус. Других санкций не будет. Еще вы завтра выступите на собрании с суровой и принципиальной критикой поведения Владислава.

Если кто-то ожидает услышать, что я отказался выступать против своего товарища, то его ждет разочарование. Я выступил, хотя и старался не клеймить Владислава как последнюю врага народа. Он, кстати, не очень на меня был в обиде, поскольку прекрасно понимал правила игры. Но горечь и неприятный осадок оттого, что тобой так неприглядно манипулировали, остались на всю жизнь. Равно как и неприязненное отношение к тому шефу.

Позволю себе небольшое отступление о кадрах, раз уж упомянул их в предпоследнем абзаце. Как же прав был Иосиф Виссарионович, когда выдал свою бессмертную сентенцию «Кадры решают все». Предельно лаконичной фразой он убил двух зайцев. Да, с одной стороны, успех любого дела зависит от грамотно найденных, правильно обученных и расставленных людей, а с другой — от профессионализма кадровиков, которые этим занимаются. Или же не от него, а от конъюнктурного чутья, умения угадывать, что нужно в данный момент конкретному данному начальнику.

Применительно к разведке, где я худо-бедно почти два десятилетия отработал, у меня сложилось следующее впечат-

ление.

На опыте комитетского кадровика Валерия Николаевича и своем собственном, накопленном позднее, я убежден в том, что в кадрах должны работать самые-самые, мудрые и высокообразованные «душеведы», прекрасно знающие предмет деятельности своей организации и умеющие оценить потенциал каждого сотрудника. По этой логике в управление кадров следовало бы командировать особо успешных оперативных сотрудников ПГУ, не на словах знающих, как завербовать агента, получить от иностранца ценную информацию.

На практике же иерархия была такая. Способный оперработник, сгоревший в поле, как правило, попадал в такие подразделения разведки, как информационная служба или служба активных мероприятий. Если человек чем-то себя дискредитировал, то его ссылали в подразделения, полностью отстраненные от оперативной деятельности, вплоть до архива. В кадры же попадали надежные, преданные службисты, но без выдающихся успехов, блеска в глазах и способности сдвинуть горы.

Это с одной стороны, а с другой... Вопреки вышеизложенному, постановка кадровой работы в советской разведке в целом вызывала и продолжает вызывать у меня восхищение. Проколы с эпизодическими предательствами не в счет. В какой крупной разведслужбе их нет? Восхищает качество отбора, по крайней мере моих сверстников. Одинаково высо-

кий образовательный и интеллектуальный уровень, поведенческий тип и даже здоровье. Большинство пребывает в полном здравии в возрасте за шестьдесят, очками стали пользоваться в районе пятидесяти и так далее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.